

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

Б. П. Полевой

**ОТКРЫТИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКИМИ
ЗАЛИВА ХАДЖИ в 1853 г.
(Из истории Советской Гавани)**

Город-порт Советская Гавань расположен в удивительно удобном закрытом заливе, который местными жителями, орочами, издавна назывался заливом Хаджи (Хадя, Ходье, Ходжо). Но самое поразительное, что залив стал известен мореплавателям и географам только в середине XIX в. Даже Карл Риттер в первом томе своего «Землеведения Азии», изданном впервые на немецком языке в 1832 г., весьма неосторожно утверждал: «Со стороны моря, крайний уступ нагорной Азии от восточного Корейского мыса до самого устья р. Амур, представляет [собой] непрерывный крутой берег, который, сколько густые туманы позволяли судить о нем Лаперузу и кап. Броутону*, имеет совершенно негостеприимный вид... Ни одна речная долина не ведет из внутренности страны к береговой полосе, от которой туземцы отделены скалистыми горами и густыми лесами» [14, с. 186].

Честь открытия залива Хаджи, безусловно, принадлежала русским морякам — сподвижникам Г. И. Невельского. Хотя об этом важном географическом открытии уже писали десятки авторов [1; 2; 5; 6; 9—12; 15; 17; 18], все же в неопубликованных документах 1852—1853 гг. удалось обнаружить некоторые новые данные, позволяющие, во-первых, более полно установить, каким образом русские моряки смогли узнать от местных жителей (орочей, нивхов и их соседей) о существовании этого залива, а во-вторых, уточнить историю создания в нем самого первого русского поселения. Об этих документальных уточнениях и пойдет речь в настоящей статье.

* Французский мореплаватель Ж. Ф. Лаперуз в 1787 г., а английский мореплаватель У. Р. Броутон в 1797 г. плавали в южной части Татарского пролива. Однако, как видно из описаний их плаваний [20; 22] и карт, составленных ими, они не смогли обнаружить залива Хаджи. Карты японского разведчика Мамия Ринзо [8; 24] показывают, что он тоже не знал о существовании залива Хаджи. Нет изображения этого залива и на всех китайских картах, составление которых было закончено до 60-х годов XIX в. Японские и китайские картографы смогли впервые нанести на карту этот залив только на основании русских и западноевропейских карт, изданных лишь после Крымской войны.

1. НАИБОЛЕЕ РАННИЕ РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАЛИВЕ

Еще в 1851 г. до сподвижника Г. И. Невельского — Н. М. Чихачева — дошли первые туманные сведения о существовании какого-то закрытого залива южнее залива Де-Кастри. Но первые вполне определенные сведения о заливе «Ходье» были получены русскими на оз. Кизи весной 1852 г. от южных орочей — «кегальцев» (ороче-удэхе), которые прибыли на озеро для ловли стерляди. На вопрос русских, как можно попасть в этот залив, орочи-«кегальцы» объявили: «Из озера Кизи надобно ехать до хребта по реке, в него впадающей, Хиосе, а перевалив хребет, следуют по речке Дуджи, по которой и достигают первого кегальского селения. Пространство это проезжают в 15-ть суток, т. е. оно заключает в себе до 350 верст» [28, д. 415, л. 270—271]. Под «речкой Дуджи», несомненно, подразумевается р. Тумджи, которая впадает в Тумнин. Путь до Тумджи и Тумнину действительно ведет в район залива Хаджи, т. е. современной Советской Гавани. Под «рекой Хиосе», видимо, подразумевается р. Хуюл.

Вскоре там же, на оз. Кизи, другой сподвижник Г. И. Невельского, Г. Д. Разградский, получил от орочей с «реки Кофье» (вероятно, Коппи) тревожное сообщение о том, что они видели в море два судна, что одно из них будто бы «подходило к соседнему с ними селению Ходье и что с этого судна в селение на большой лодке съезжали люди». При этом Разградский пояснял: «Означенное место, судя по их рассказам, находится около 200 верст к S от з. де-Кастри» [28, д. 415, л. 270]. Это известие, естественно, не могло не встревожить Г. И. Невельского, и он отдал распоряжение продолжать собирать новые сведения о заливе Хаджи-Ходье-Ходжо.

Уже в середине 1852 г. топограф 2-го класса П. Попов начертил для Г. И. Невельского любопытную цветную карту, на которой впервые (очень примитивно) была изображена будущая Советская Гавань. Между двумя мысами в Татарском проливе был показан залив с пояснением в условных обозначениях: «АВ. Залив по словам туземцев закрыт и глубокий. Предлагается описать». На карте показано, что в залив впадают две речки: с севера — «Дата» и с юго-запада — «Хотьжа» (Хадя), по имени которой и сам залив стали называть «заливом Хаджи». На этой же карте был показан и речной путь с оз. Кизи по «реке Педан» (Яй, включавшей в свое изображение даже р. Тумнин). Несомненно, здесь нашли отражение сведения, собранные сподвижниками Г. И. Невельского еще в 1851—1852 гг., что подтверждает и само название карты: «Краткая Карта Обследований и Частию собранных сведений Произведенных С 1851-го по 1852 год до 1-го Июня с показанием путей Гг. Офицеров и Топографическою съемкою». Внизу под картой имеется автограф самого Г. И. Невельского: он лично «утвердил» ее [подлинная карта: 28, д. 415, л. 243].

19 октября 1852 г. Г. И. Невельской сообщал генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (будущему графу Муравьеву-Амурскому): «От приезжающих ныне в наши посты самагирцев, мангунцов (ульчей) и проч. туземцев собраны следующие сведения: з. Ходжи имеет соединение с р. Амур двумя путями. Первый Северный от оз. Кизи посредством р. Яй (Педана погиляцки), впадающей в озеро Кизи и р. Тальяца, вливающейся в залив Ходжи; второй, Южный — через оз. Гиссла (по словам туземцев около 100 верст,

не доходя устья Усури). Из р. Тальци вступают в р. Бутда, а по сей последней спускаются в р. Пур, а из сей последней по р. Нека спускаются в оз. Гасли, которое протоками, подобно оз. Кизи, соединяется с р. Амур» [28, д. 415, л. 272].

Река Яй сохранила и теперь свое прежнее название. Упоминание Г. И. Невельского о том, что нивхи ее называли Педана, очень любопытно: оно еще раз свидетельствует о том, что в прошлом нивхи прекрасно знали весь район оз. Кизи и даже по-своему называли реки этих мест. Под р. Тальца, видимо, подразумевается Тумнин (уж очень часто тогда повторялось ошибочное утверждение, что Тумнин впадает прямо в залив Хаджи).

Особенно интересно сообщение о втором пути к заливу Хаджи.

Из р. Тумнин есть путь на ее приток — Хуту, с Хуты — на Будду («Бута», или «Бутда»), затем через перевал к Гуру и Пиру с переходом на «реку Нейха» (она же — Анюй, Дондонь и др.), а оттуда близко оз. Гасси, или Гассиен, т. е. упомянутое в тексте «оз. Гасли», или «Гиссла». Любопытно отметить, что именно эти оба пути к заливу Хаджи (Императорской гавани) в 1908—1909 гг. были обследованы В. А. Арсеньевым и его спутниками.

В начале лета 1908 г. В. К. Арсеньев выехал из Хабаровска (оставив в стороне оз. Гасси) к устью Анюя («Нейха») и оттуда поднялся вверх по Анюю и Гобилли до перевала. Затем он вышел к верховьям Буты, где чуть было не погиб. На второй день плавания по бурной Буте; здесь лодка экспедиции опрокинулась, и на дно реки рухнуло все имущество экспедиции с оружием, инструментами и припасами. Участники экспедиции жестоко голодали 21 день, и, возможно, некоторые из них погибли бы, если б не подоспела помощь со стороны Императорской гавани [16, с. 24].

В следующем, 1909 г. В. К. Арсеньев смог пройти первый путь, указанный Г. И. Невельским: от оз. Кизи в июле пошел по реке «Хююле (Яан)», добрался до Сихотэ-Алиня, нашел перевал, который назвал именем Русского географического общества, затем спустился в Тумнин и уже 27 июля был в Императорской гавани [16, с. 31].

Естественно, В. К. Арсеньев тогда даже не догадывался о том, что самую первую информацию об этих двух путях собрали еще в 1852 г. Г. И. Невельской и его помощники. Оказалось, что они не только знали о реке Яй, но даже о далекой «реке Будта», реке, на которой В. К. Арсеньев чуть было не погиб от голода.

Но в 1852 г. Г. И. Невельской решил не рисковать и не начинать поиска пути к заинтересовавшему его морскому «закрытому заливу» по внутренним водоемам. Он отдал предпочтение морскому пути. Уже 19 октября 1852 г. он сообщил Н. Н. Муравьеву о своем намерении послать лейтенанта Бошняка на поиски по морю закрытого залива «Ходжо». Г. И. Невельской писал: «Бошняк из Де-Кастри в исходе апреля или начале мая должен следовать на гиллякской лодке (она куплена г. Разградским в Кастри) к S от Кастри, если возможно до р. Самальги, описать з. Ходжо с его притоками, собрать сведения о действиях в этих местах иностранцев равно и о путях, какими достигают с этих берегов миссионеры р. Амур» [28, д. 415, л. 275].

Дело в том, что Н. М. Чихачев еще 14 января 1852 г. сообщил Г. И. Невельскому тревожное известие, исходившее от местных жителей, о проникновении в низовья Амура иностранных миссионеров. Н. М. Чихачев в своем

рапорте писал: «Во всех деревнях по Амуру, где мне приходилось останавливаться, рассказывали туземцы о 5 европейцах, несколько лет уже здесь путешествующих, из них трое были убиты жителями выше селения Кизи, один оставался долго в селении Тыр, пятый же, по рассказам жителей, собирал сведения о лимане и южной оконечности Сахалина и направлялся, по-видимому, туда на лодке гиляцкой конструкции, но между селениями Войт и Сабах на мысе Вайбах был убит двумя гиляками Хайгуном и Окджоном. Эти самые гиляки нашли у убитого компас и часы, но, будучи приведены в страх стуком колес часовых и движением магнитной стрелки, приняли это за действие души покойника, в испуге все вещи побросали в воду, тело же зарыли в землю» [11, с. 104].

Здесь невольно переплелись сведения об убийстве миссионера Ла-Брюньера в 1846 г. [4, с. 788] в селении Вайт и о краже компаса и часов у миссионера Вено в 1850 г. [25, с. 222—224]. Оба прибыли на Амур со стороны р. Сунгари. Но Н. М. Чихачев и позднее продолжал уверять Г. И. Невельского, что иностранные миссионеры проникают на Амур со стороны Татарского залива. Эти сообщения усиливали тревогу Г. И. Невельского за будущую судьбу «закрытого залива Ходжи». Он считал, что при промедлении со стороны русских эта замечательная пустующая гавань может быть занята какими-либо иностранцами. Эти опасения Г. И. Невельского полностью разделял и сам генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев.

В 1852 г. Н. Н. Муравьев был особенно встревожен сообщением об отправке в дальневосточные воды крупной военно-морской эскадры американского коммодора Месью Перри. 28 апреля он писал: «Время показало теперь, что ни китайцы, ни даже англичане не считают себя вправе не только мешать нам, но даже входить в какие-либо рассуждения против занятия нами мест, издревле русскими приобретенных; но ныне являются на этом поприще новые соперники: парходная экспедиция северо-американцев в Японию достаточно указывает на стремление их к этим странам: Сахалин и его гавани неминуемо войдут в круг ее занятий, и нет причины, чтобы противулежащие ему берега Татарского залива, а может быть, и самый Амурский лиман не привлекли их любознательных и корыстных исследований и предприятий... Сила и пушки нужны там для того, чтобы, останавливая предприимчивость американцев, тем именно предупредить войну, которая, конечно, должна возникнуть, если иностранцы насильно займут эти места» [28, д. 415, л. 137—138].

Еще более тревога за безопасность южной части Татарского пролива («Татарского залива») возросла после того, как в начале 1853 г. было получено сообщение об отправке в дальневосточные воды еще одной американской морской экспедиции — экспедиции коммодора К. Ринголда, который получил задание заняться подробной описью русских дальневосточных вод. Морской министр США Джон Кеннеди в отчете конгрессу, говоря о задачах экспедиции Ринголда, подчеркивал: «Особое внимание будет уделено обследованию морей, через которые и у берегов которых наши китобойные корабли занимаются своим опасным промыслом. При этом тщательно будут обследованы берега Японии, Курильские острова, Охотское море и неисследованные берега Северной Азии» [19, с. 10]. Н. Н. Муравьев и Г. И. Невельской опасались, что американцы могут попытаться овладеть некоторыми незанятыми заливами для создания в них своих «портов-убежищ». В связи с обострением отноше-

ний с Англией стали казаться подозрительными и планы англичан. Поэтому Н. К. Бошняку было предложено как можно раньше в навигацию 1853 г. начать с моря поиск залива «Ходье» (Хаджи).

Уже весной 1853 г. во время подготовки плавания на юг Н. К. Бошняк смог получить от одного жителя залива Де-Кастри (Н. М. Чихачева) новые, достаточно подробные сведения о заливе «Хаджи-ту» [5, с. 211]. Они еще более усилили интерес русских к этому «закрытому заливу».

28 апреля 1853 г. Н. К. Бошняк начал свое плавание из залива Де-Кастри. В пути он постоянно «пользовался всякими благоприятными обстоятельствами, чтобы собрать всевозможные сведения о свойстве берегов, рек, впадающих в море, зимниках, которыми пользуется местное население, о характере и образе его жизни» [5, с. 217]. Около селения Хой Н. К. Бошняк встретил китобойное судно из Бремена. Шкиперу этого судна он объявил, что русские намерены в Татарском проливе «во всех закрытых бухтах, которые окажутся удобными и безопасными для стоянки судов, поставить надлежащие посты, как уже и начали с залива Де-Кастри» [5, с. 217]. Это заявление Н. К. Бошняка было принято к сведению. Бошняк писал: «Шкипер оказался человеком весьма образованным: он с любопытством выслушал мои объяснения и дал мне слово передать это и другим, а для большей основательности просил меня записать подобного рода заявление на бумаге, что я и исполнил» [5, с. 217—218].

В пути Н. К. Бошняк смог исправить ошибку, появившуюся на карте 1852 г.: он убедился, что «Дата» (устье Тумнина) не впадает в залив Хаджи и что на самом деле с северо-запада в него впадает «река Ми» (Ма).

23 мая (4 июня) Н. К. Бошняк, первым из русских, вошел в залив Хаджи («Ходье») и был поражен удобствами открытой им гавани. В течение недели он проводил глазомерную съемку всего залива с несколькими бухтами. Составил первую достоверную карту залива. Поскольку Н. К. Бошняк знал, что некоторые царедворцы, особенно министр иностранных дел К. В. Нессельроде, относятся отрицательно к посылке новых русских экспедиций в район южнее залива Де-Кастри, он совершенно сознательно решил назвать эту замечательную гавань именем царя — гавань Императора Николая I, а ее бухтам присвоить имена других членов царской фамилии: в честь императрицы Александры была названа Александровской главная бухта залива, бухта, в которую впадала р. Хадя, почему она и называлась, «собственно, заливом Хаджи»; лучшая же бухта залива, бухта Ма, была им названа Константиновской, по имени генерал-адмирала русского флота в. кн. Константина Николаевича. Именно в Константиновской бухте Н. К. Бошняк наметил создание в будущем первого русского военного поста в Императорской гавани. Для того чтобы предупредить попытки иностранцев завладеть этим районом, Н. К. Бошняк счел необходимым на видном месте воздвигнуть большой крест с надписью «Гавань Императора Николая, открыта и глазомерно описана лейтенантом Бошняком 23 мая 1853 года, на туземной лодке, со спутниками казаками Семеном Парфентьевым, Киrom Белохвостовым, амгинским крестьянином Иваном Мосеевым» [1, с. 65—66]. Местным жителям, орочам, Н. К. Бошняк передал официальное письмо на трех языках (русском, немецком и французском), в котором указывалось, что Императорская гавань принадлежит России.

Составленные карты гавани с подробным рапортом Н. К. Бошняк отправил Г. И. Невельскому вместе с казаком С. Парфентьевым. Г. И. Невельской был в восторге от сообщений Н. К. Бошняка и его карт, и только беспокоило то обстоятельство, что ему пока еще не дали официального разрешения на создание в Императорской гавани первого русского поселения. Но он решил, не теряя времени, основать уже в ближайшее время первый русский военный пост в Константиновской бухте. Более того, он решил принять личное участие в этом важном акте. Уже в июле 1853 г. он отправил Н. Н. Муравьеву рапорт, в котором объявил, что он отправляется на транспорте «Байкал» в плавание вокруг Сахалина, с тем чтобы лично основать первое русское поселение в Императорской гавани [7, с. 374—375].

2. ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА МЕСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ГАВАНИ

Замысел Г. И. Невельского был осуществлен: в начале августа 1853 г. в заливе Хаджи («заливе Императора Николая I»), в Константиновской бухте, был основан первый русский военный пост — самое первое русское поселение на месте современной Советской Гавани. И, естественно, многие на Дальнем Востоке, особенно в Советской Гавани, не забывают об этом важном событии. Но до сих пор еще ведутся споры: в какой именно день должен отмечаться юбилей этого события. Г. И. Невельской в своих воспоминаниях писал, что Константиновский военный пост был основан 6(18) августа 1853 г. [5, с. 235]. Но эту дату оспаривали некоторые авторы. Так, Д. Романов и акад. Л. И. Шренк утверждали, что на самом деле Константиновский пост был основан еще 1(13) августа 1853 г. [15, с. 130; 18, с. 89]. Шренк, который лично бывал в Императорской гавани летом 1854 г., уверял, что Г. И. Невельской просто ошибся. Наши исследования показали, что Г. И. Невельской действительно иногда приводил неверные данные, например при описании своего плавания 1849 г. [11, с. 95]. Причина простая: он многое писал по памяти, а она его иногда подводила.

Чтобы установить подлинную дату основания первого русского поселения на месте современной Советской Гавани, автор этой статьи еще в 1953 г. предпринял специальные поиски в архивах. И они увенчались успехом: в Центральном государственном историческом архиве Военно-Морского Флота ему удалось найти рапорт Г. И. Невельского от 30 августа 1853 г., из текста которого впервые стало известно о том, что на самом деле Константиновский военный пост был основан 4(16) августа 1853 г. Автор статьи уже трижды упоминал в печати об этом [9; 11, с. 105; 12]. Тем не менее до сих пор в книгах и статьях о Г. И. Невельском чаще всего это событие датируется неправильно. Истину восстановить помогает текст весьма интересного рапорта Г. И. Невельского от 30 августа 1853 г.; который мы приводим здесь в полном виде.

Этот рапорт Г. И. Невельского уточняет и датировку других событий во время нового плавания Г. И. Невельского на историческом транспорте «Байкал» в июле—августе 1853 г. В своих воспоминаниях Г. И. Невельской отнес начало этого плавания к 14 июля 1853 г. [5, с. 235]. Но в рапорте он утверж-

дает, что это плавание началось лишь 17 июля. Согласно воспоминаниям, он вошел в залив Лаперуза 30 июля [5, с. 235], а из рапорта следует, что это произошло еще 27 июля. Из рапорта мы неожиданно узнаем, что, обогнув мыс Крыльон, Г. И. Невельской вскоре исполнил свой старый замысел и высадил в южной части западного берега Сахалина четырех человек с унтер-офицером во главе. И лишь после этого пошел к Императорской гавани. В воспоминаниях он ничего об этом не говорит, хотя на первой схеме своего плавания 1853 г. на транспорте «Байкал» он отметил эту высадку [7, с. 125]. В самой Императорской гавани он, как оказалось, высадил 11, а не 8 человек. Продовольствия выгрузил он здесь 800 пудов, а не 350, как он писал в своих воспоминаниях [5, с. 236]. На самом деле 350 пудов продовольствия он оставил в Де-Кастри. Это был небольшой запас, поскольку значительная его часть была предназначена и для Марининского поста.

В рапорте от 30 августа 1853 г. имеются и другие ценные подробности плавания Г. И. Невельского в июле—августе 1853 г., которые достойны особого внимания биографов Г. Н. Невельского. Напомним здесь, что в самих воспоминаниях Г. И. Невельского история этого важного плавания изложена, к сожалению, предельно кратко.

Господину генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту Муравьеву

капитана 1-го ранга Невельского

Рапорт

Из предыдущего рапорта моего касательно исполнения Высочайшей воли о занятии острова Сахалина, селения Кызи и залива Де-Кастри¹ Ваше Высокопревосходительство изволили усмотреть все мои предположения, какия я считал необходимым исполнить при следовании моем на военном транспорте «Байкал» в эти места, а потому вследствие этого, снявшись с якоря из Петровского рейда 17-го числа июля, пошел вдоль восточного берега острова Сахалина, осмотрев залив Терпения, устья реки Ты² (как главный восточный пункт на острове) и оттуда, следуя вдоль восточного же берега, вошел 27 июля в залив Анива, восточной части которого сделал лично осмотр на байдарке в пасмурность, дабы, пользуясь ею, не подать никакого подозрения японцам, которые (как носят здесь слухи) напуганы американцами³. О присутствии же последних и о намерении их быть в Татарском проливе сведения подтверждаются⁴, и даже самим мною было усмотрено около западного берега острова Изэсо (Мацмай)⁵ судно. Из залива Анива я пошел вдоль западного берега острова Сахалина и в первой бухте, попавшейся от юга в широте около 49°N, высадил четырех человек при унтер-офицере, поднял русский флаг в знак занятия острова⁶. Оттуда по изложенным Вашему Высокопревосходи-

тельству причинам в предыдущем же рапорте моем и по опасениям моим неминуемо могущего последовать предупреждения нас в занятии иностранцами превосходнейшей и единственной в этом крае гавани Императора Николай I я отправился в эту гавань, исследовав ее, 4 августа сего года занял ее и по просьбам жителей оставил там 11 человек с урядником⁷, товары, 800 пуд. продовольствия, одним словом, все, что следует для самого скорого основания положительной оседлости, и при мне начато уже там первое русское строение. Выйдя оттуда августа 6-го и следуя вдоль Татарского берега к северу 7 числа августа вечером, пришел в залив Де-Кастри (Александровский рейд), подкрепил Александровский пост⁸, оставив там 12 чел., пушку, товары, 350 пуд. продовольствия, и дал надлежащие наставления офицеру, содержащему этот пост, г. мичману Разградскому⁹. Г. командиру транспорта «Байкал» предписал немедленно следовать с подпоручиком Орловым¹⁰ к западному берегу Сахалина в широту 49° к началу заливов Йоунок, откуда г. Орлов под прикрытием «Байкала» на гиляцкой лодке должен сделать тайную рекогносцировку под видом коммерческого предприятия. На пути этом он должен встретить оставленных мною с весны нанятых гиляков, знающих японский язык, для завязывания торговых сношений наших с японцами, приезжающих на Сахалин,— и по встрече с этими гиляками г. Орлов должен следовать тайно с ними к заливу Анива, где и стараться быть около 1-го сентября для соединения со мною; к этому времени я надеюсь быть в этом месте с десантом и с г. майором Буссе¹¹ начать положительные действия для исполнения Высочайшей воли, т. е. занять залив Анива и войти в миролюбивое соглашение и объяснение с японцами,— соглашение и объяснение, направленные единственно к тому, чтобы мы пришли не завоевывать их и не стеснять их торговлю; но, напротив, в случае каких-либо им неприятных действий со стороны других иностранных пришельцев отстранять эти покушения и защищать их, японцев, от подобных насилий и, наконец, посредством торговых связей с ними в этих местах увеличить их интересы. По встрече г. Орлова с вышеназначенными гиляками транспорт «Байкал» должен немедленно следовать через Лаперузов пролив в Петровское зимовье¹². Сделав эти распоряжения и дав надлежащие наставления гг. Семенову (командиру «Байкал[а]») ¹³, Орлову и Разградскому, как вести себя в отношении иностранцев (т. е. право объявления, что эти места русския,— разумеется, только в случаях решительного обнаружения ими намерения занять там какой-либо пункт), так и в отношении коммерческого миролюбивого сношения с туземцами, я сам 8-го августа, утром, перенеся через хребет байдарку, пришел из залива Де-Кастри на озеро Кызи, где 9-го числа у селения Кызи встретил г. мичмана Петрова¹⁴, прибывшего туда с 6-ю человеками во исполнение известного Вашему Вы-

сокопревосходительству предписания моего г. Петрову занять этот пункт¹⁵, осмотрев местность Кызе и сделав надлежащие распоряжения, приказать сменить ему г. Разградского в Кастри, оставя в Кызе торговать прикащика Овчиникова¹⁶, а г. Разградскому по смене следовать в Николаевский пост, имея намерение (не надеясь, чтоб компания прислала пароход) отправить его на барказе с окончательным довольствием, товарами и людьми в Кызи, и того же числа к вечеру отправился вниз по Амуру в селение Аур, в 50 верстах от Кызи, встретил маньчжур, от них и от жителей узнал о прибытии в Петровское парохода¹⁷, они, казалось, радовались не менее меня, надеясь, что я употреблю его для их пользы и выгод; во всех селениях я встречал выражение тех же самых надежд.

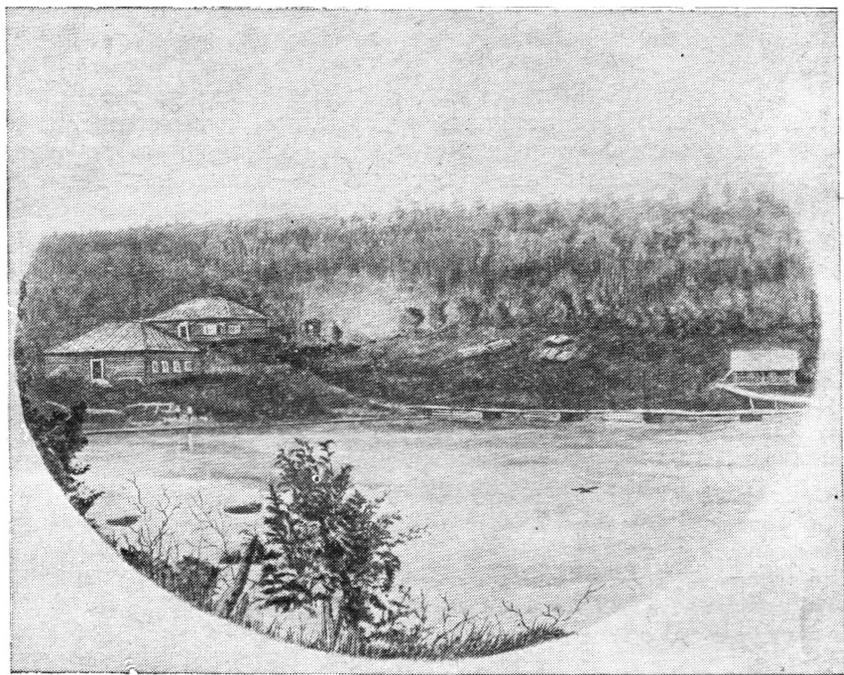
Ночью 11-го числа прибыл в Николаевский пост, где, сделав нужные распоряжения г. Бошняку, прибывшему в Николаевск 27-го июля, отправился в Петровское зимовье, куда и прибыл августа 13 числа, надеясь, что товары для экспедиции и десант придут в Петровское зимовье в скором времени. В Петровском нашел пароход и г. капитан-лейтенанта Бачманова¹⁸. При осмотре парохода я убедился, что он для экспедиции совершенно бесполезен, прислан в противность всем моим требованиям, какие я представлял о пароходе в главное правление компании и в особенности лично объяснял его превосход-ву Этолину¹⁹.

Пришедший пароход по своей конструкции может ходить только по малым речкам, а не по лиману и Амуру, где его при первой волне зальет. Но, желая в крайности воспользоваться пароходом, чтобы поддержать влияние на жителей, произведенное прибытием его, обтянув пароход по совету г. Бачманова парусиновыми фалшбортами, дабы предохранить его от неминуемого заливания, рискнул пройти на нем в Николаевский пост. 15-го числа августа мы отправились и через 1½ часа возвратились с поврежденным котлом на буксире у бота. Причины этого Вашему Высокопревосходительству разъяснят приложенные при сем бумаги²⁰.

Благодаря деятельности и знанию г. капитан-лейтенанта Бачманова пароход был приведен в возможно лучший вид в Аяне, доставлен в экспедицию, его же находчивостью мы были спасены от неминуемо предстоящей нам гибели на пути из Петровска в Николаевский пост на этом пароходе.

В Петровском я не нашел ни судов, ни товаров, ни продовольствия от компании, пакгаузы были пусты, ибо, что было, все взято было со мною, находясь в таком положении, мне оставалось ожидать с терпением.

25-го августа показался корабль «Николай» в 5 часов пополудни, прибыл ко мне г. майор Буссе. Из донесений Вашему Высокопре-ву г. Буссе усмотрите всю возможную деятельность как его, так и г. Камчатского губернатора. Люди присланы с годовым казенным продовольствием и со всеми необходимей-

Константиновский военный пост (фотография 60-х годов XIX в.)

шими орудиями и материалами для первоначальных построек. Все, что мог уделить Петропавловский порт, было дано. И если бы не был снят в Аяне груз с корабля «Николай» по распоряжению г. кап.-лейт. Кашеварова²¹ для неуместной расценки товаров, экспедиция могла бы начать действовать немедленно.

Но с чем предстояло мне отправиться с солдатами и пушками в место, где должны мы производить наше влияние иными средствами. Пушки еще должны быть в строю. От майора Буссе получил я следующие сведения: бриг «Константин», задержанный в Ситхе, может совсем не прийти в Аян. Кругосветному кораблю «Цесаревич» по непонятным для меня распоряжениям запрещено приближаться к Петровскому; иностранный экипаж его не есть причина²². Вам известно, что зимовье постоянно посещается иностранными судами. Груз, задержанный в Аяне, ожидает казенных судов, таким образом, может быть доставлен ко мне, когда уже не будет решительно никакой возможности извлечь из него какую-либо пользу, кроме только разве для существования живущих единственно в Петровском. «Байкал» не может быть в Аяне ранее 15 сентября. «Иртыша»²³ до сих пор в Петровском нет, когда же он будет в Аяне? И по все этому ранее 20 сентября ожидать обоих судов из Аяна

нельзя. Одно из судов должно перевезти в Камчатку переселенцев и их скот, так много ли же у него останется места для нашего груза [?]

Николаевский пост без ничего, Кызи почти то же самое²⁴. После 20 сентября посылать туда товары невозможно, и это значит оставить в холоде и голоде; на зимний путь на санках рассчитывать нечего, оне у нас колеют — корму нет. Вот следствия распоряжений Российско-Американской компании. Что ж остается мне делать: идти на корабль «Николай» в Аян и взять во что бы то ни стало все, что следует для экспедиции, и заставить г. Кашеварова бросить уже ныне и [...] ²⁵ и неуместную расценку, которая, может быть, до сих пор еще не кончена, и оттуда возвратиться в Петровское, отдать там груз Амурской экспедиции, приказать г. Бачманову со всеми привозными средствами, состоящими в катере и барказе, обезпечить товарами и припасами Николаевский пост и Кызи, сделать в этих пунктах согласно моего наставления надлежащая распоряжения.

Я же сам немедленно с Петровского рейда иду на «Николае» вместе с г. майором Буссе и десантом в залив Анива, заняв там избранный уже мною пункт, долженствующий быть главным на Сахалине, и другой на западном берегу в одном из заливов Идунок (между 47 и 48 сев. шир.), который, по сведениям, доставленным мне г. Орловым, окажется более удобным²⁶. Оставив начальствовать этими пунктами и островом Сахалином г. майора Буссе, я полагаю сам следовать в залив Императора Николая I, в котором оставив начальствовать лейтенанта Бошняка, идти на «Николае» же в Кастри и из Кастри через Кызи на чем и, как господь поможет, возвратиться в Петровское, а корабль «Николай» обратить зимовать в залив Императора Николая I в Константиновский порт²⁷. Вследствие этого плана моего 27 августа я снялся с якоря с Петровского рейда, иду в Аян, оставив Бачманову в Петровском приказание на случай прибытия «Иртыша» или «Байкала» задержать до моего возвращения из Аяна одно из этих судов. Судну этому по возвращению моему из Аяна я предпишу следовать в Аниву для охранения и усиления нашего заселения и оставаться там до последней возможности, ибо кроме этих причин оставить в глухую осень значительный десант, как нам предстоит без судна, т. е. без дома, где бы можно было обсушиться, сохранить продовольствие и дать помощь больным, — значит сгубить людей, на зимовку же этому судну я предпишу последовать в залив Императора Николая I-го в Константиновский порт, как в единственную и совершенно безопаснейшую пристань. На Сахалине близ этих мест гавани не предвидится. Вахту слишком отдалена и не исследована в отношении безопасной в ней зимовки судов, да и подобные значительного ранга суда, особенно в глубокую осень, войти туда не могут²⁸.

Ваше Высокопре-во, изволите усмотреть из всего вышеска-

занного, что, будучи поставлен действиями Российско-американской компании в положение, в котором все расчеты потеряются, я должен был, возложив упование на бога, прибегнуть к решительным мерам для точного исполнения высочайшего повеления для удержания нашего влияния на Приамурский край и для ограждения главных пунктов и ключей его от иностранных покушений. Далее будет, что богу угодно, но я не теряю надежды, что этим и Высочайшая воля будет вполне исполнена и благая цель правительства достигнута.

В заключение имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, г. майор Буссе по предписанию Вашему должен возвратиться с последним судном в Аян, [но] оставлен мною на Сахалине, потому что я признаю невозможным возложить на кого-либо другого (особенно одного офицера) при первоначальных действиях этот важный пограничный с Япониею пост при настоящих действиях американцев в этих краях. Капитан-лейтенант Бачманов необходим мне, как морской офицер в Амурской экспедиции при увеличении постов ее и значении их на юге он в настоящее время помощник мой, занимающий мое место при неминуемо беспрестанно могущих быть отлучек моих. Впоследствии этого штаб-офицеры эти получают от меня предписание от имени Вашего Высокопревосходительства принять на себя временно возложенные на них обязанности для успешнейшего исполнения Высочайшей воли. С открытием навигации г. майор Буссе будет уволен для следования в Иркутск к месту его служения²⁹. О распоряжениях этих испрашиваю разрешение Вашего Высокопревосходительства, о чем Вашему Высокопревосходительству донести честь имею.

№ 285

Капитан I ранга Невельской

30 августа 1853 г.

на корабле Российско-Американской компании «Николай» [29].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь имеется в виду официальный рапорт Г. И. Невельского, отправленный Муравьеву в июле 1853 г. Тогда же Г. И. Невельской послал личное письмо Н. Н. Муравьеву, в котором так определял основную часть своих задач в новом плавании на транспорте «Байкал»: «Путь мой таков: по восточному берегу Сахалина через пролив Лаперуза и, обогнув Сахалин на юге, поднимаюсь вдоль западного берега, начинаю осмотр его. Избрав место — Один из заливов Идунки, по сведениям, около 47° лежащий, т. е. на южной почти оконечности Сахалина, оставляю тут г. Орлова с 20 человеками: иду в залив Императора Николая I в 48¹/₂° широты на Татарском берегу, оставляю тут трех человек с унтер-офицером, приказав им заготовлять лес, делать рубленку и везде ставить флаги, и даю нужные наставления согласно с тем как объявлено в официальных бумагах моих» [7, с. 372]. В том же письме он вполне определенно указал: «Занятием залива Императора Николая I поставлю неизбежную опору восточного материка Российских владений» [7, с. 372].

Под «Высочайшей волей о занятии острова Сахалина, селения Кызи и залива Де-Кастри» здесь имеется в виду решение Николая I о создании военных постов на Сахалине, принятое 11 апреля 1853 г., а также дополнительное предписание Н. Н. Муравьева от 23 апреля относительно оз. Кызи и залива Де-Кастри [5, с. 231].

² Река Ты, Тый — название р. Поронай у ороков.

³ Японцы полагали, что в заливе Анива могут появиться военные корабли, включенные в состав эскадры американского командора М. Перри. Именно поэтому, когда в сентябре 1853 г. Г. И. Невельской и его спутники высадились в заливе Анива, первым вопросом, какой местные жители задали русским морякам, был: «Америка?» [6, неоф. часть, с. 60]. Тогда-то Г. И. Невельской и объявил, что будет их защищать «от американцев» [3, с. 24]. Г. И. Невельской искренне верил, что американцы могут попытаться захватить залив Анива. Он писал: «Нельзя не опасаться, чтобы они [американцы], посетя залив этот и видя его нами незанятым, не воспользовались бы этим важным, по своему положению пунктом, с занятием которого приобретает значительное влияние на Японию, и решительное влияние на весь Сахалин — остров, богатый каменным углем, который для них необходим» [6, неоф. часть, с. 60]. Любопытно отметить, что в 1855 г. залив Анива посетил американский пароход «Джон Генкок» и его командир лейтенант Г. Стивенс, составив карту залива Анива, несколькими месяцами позже предложил правительству США попытаться создать в этом заливе американский «порт-убежище» [21, с. 161; 26, с. 152]. Но это предложение не было поддержано правительством США, так как еще в 1853 г. русский посланник в Вашингтоне А. А. Бодиско официально предупредил американского государственного секретаря В. Мерси о том, что Россия считает залив Анива владением России.

⁴ Еще 22 мая 1853 г. Г. И. Невельской получил записку от Н. К. Бошняка, в которой тот уведомлял, что в заливе Хой в Татарском проливе китобой из Бремена ему сообщил: «Американцы нынешним летом будут в Татарском проливе и хотят занять бухту для пристанища своих китобойных судов» [5, с. 213].

⁵ «Остров Иэссо (Мацмай)» — о-в Хоккайдо. «Иэссо» по-японски означает «дикие», т. е. айны. Такое название остров получил еще в те времена, когда был населен лишь одними айнами. Название «Мацмай» происходит от феодалов Мацумае, которые первыми из японцев стали заселять южную оконечность острова.

⁶ Высадка в южной части западного берега Сахалина в заливе «Идунка» (Невельского) подтверждается и собственноручным наброском Г. И. Невельского карты плавания «Байкала» осенью 1853 г. [7, с. 125].

⁷ Начальником первого русского поселения на месте современной Советской Гавани был урядник Дмитрий Хороших.

⁸ Александровский пост в заливе Де-Кастри (в прошлом — Нангмар, теперь — Чихачева) был основан 4(16) марта 1853 г. Н. К. Бошняком.

⁹ Мичман Григорий Данилович Разградский (1830—1898) возглавил Александровский пост в заливе Де-Кастри вскоре после отплытия Н. К. Бошняка на поиски залива Хаджи.

¹⁰ Подпоручик Дмитрий Иванович Орлов (1806—1859) — один из самых деятельных сподвижников Г. И. Невельского. Краткую биографию Орлова см. в книге А. И. Алексеева «Сподвижники Г. И. Невельского» [2, с. 26—43].

¹¹ Майор Николай Васильевич Буссе (1828—1866) — первый военачальник Сахалина. О своей деятельности на Сахалине оставил довольно любопытные записки [3].

¹² Д. И. Орлов вернуться на транспорт «Байкал» не смог. Позднее он перешел в Томари-Аниву, в Муравьевский пост, поставленный в конце сентября 1853 г., и оттуда на судне «Иртыш» перешел в Императорскую гавань.

¹³ Подпоручик Алексей Порфирьевич Семенов (1824—?) в 1853—1854 гг. командовал историческим транспортом «Байкал».

¹⁴ Мичман Александр Иванович Петров (1828—1899) — деятельный сподвижник Г. И. Невельского в 1852—1855 гг. Автор ценнейших воспоминаний, которые были впервые опубликованы лишь в 1974 г. [7].

¹⁵ История основания на оз. Кизи Маринского поста подробно описана А. И. Петровым [7, с. 128—132].

¹⁶ Краткие сведения о деятельности приказчика Овчинникова имеются в воспоминаниях А. И. Петрова [7, с. 126—140].

¹⁷ Это был небольшой, 10-сильный пароход «Надежда».

¹⁸ Капитан-лейтенант Александр Васильевич Бачманов (1823—1864) — сподвижник Невельского в 1853—1855 гг.

¹⁹ Имеется в виду Адольф Карлович Этолин, в прошлом совершивший ряд плаваний по Тихому океану. Его биография недавно была опубликована в США [23, с. 19—23].

²⁰ Г. И. Невельской писал об этом: «Только что мы вышли из залива, пароход начало заливать, и более половины дымогарных труб в котле, оказавшихся перержавленными, лопнуло» [5, с. 238]. Упомянутые в рапорте документы, объясняющие причины аварии, в архивном деле отсутствуют.

²¹ Капитан-лейтенант Александр Филиппович Кашеваров (1803—1866) — в прошлом известный мореплаватель, в 50-х годах начальник Аянского порта.

²² Ни бриг «Константин», ни фрегат «Цесаревич» так и не смогли тогда попасть в дальневосточные воды.

²³ Транспорт «Иртыш» сперва пришел в Аян и оттуда прошел в Петровское. Невельской его нашел в Петровском после своего возвращения из Аяна.

²⁴ По вине Российско-американской компании в Маринском посту на оз. Кизи начался настоящий голод [7, с. 136—138].

²⁵ Одно слово неразборчиво.

²⁶ Под «главным пунктом на Сахалине» Г. И. Невельской считал Томари-Аниву (теперь г. Корсаков). Д. И. Орлов по приказу Г. И. Невельского на западном побережье Сахалина основал Ильинский военный пост.

²⁷ Зимой 1853—1854 года в Императорской гавани зимовали и корабль «Николай», и транспорт «Иртыш». В ЦГАВМФ сохранились чертежи гавани с точным обозначением места зимовки обоих судов [28, оп. 2, д. 179, между лл. 53 и 54]. Аналогичный чертеж имеется и в ЛО ААН СССР [27]. Зимовка в заливе оказалась исключительно тяжелой [1, с. 89—92; 5, с. 268—270].

²⁸ Предположение о том, что около Виахту имеется удобный залив, было впервые высказано Н. К. Бошняком на основании неверно понятых сообщений нивхов. Окончательно опровергнута была эта легенда В. А. Римским-Корсаковым.

²⁹ Подробные сведения об этой первой русской зимовке в заливе Анива имеются в записках Н. В. Буссе [3] и неопубликованных дневниках Н. В. Рудановского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Н. К. Бошняк и открытие Советской Гавани. Хабаровск, 1955.
2. Алексеев А. И. Сподвижники Г. И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.
3. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. с ответом Ф. Буссе гг-м. Невельскому и Рудановскому. СПб., 1872.
4. Г. В. Смерть католического миссионера де Ла Брюньера в 1846 г.— газ. «Амур» [Иркутск], 1860, с. 780—794.
5. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России, 1849—1855. Хабаровск, 1969.
6. [Невельской Г. И.] Рапорт капитана I ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками в оной расположенными, 16 октября 1853 года по делу занятия острова Сахалина.— «Морской Сборник». 1899, № 12.
7. Петров А. И. Амурский щит. Хабаровск, 1974.

8. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Ч. 3. Иокохама, 1909.
9. Полевой Б. П. Из истории Советской Гавани.— Газ. «Советский флот». 5.II.1955.
10. Полевой Б. П. К истории открытия Татарского пролива.— Страны и народы Востока. Вып. VI. М., 1968.
11. Полевой Б. П. Новое о Г. И. Невельском.— Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М.—Л., 1965.
12. Полевой Б. П. Открытие и заселение залива Хаджи.— Газ. «Советская звезда». Советская Гавань, 26.I и 1.II.1955.
13. Полевой Б. П. Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857).— «Вопросы истории». 1952, № 12.
14. Риттер К. Землеведение Азии. Ч. I. Общее введение и восточная окраина Азии. СПб., 1856.
15. Романов Д. Присоединение Амура к России.— «Русское слово». СПб., 1859, № 7.
16. Сведения об экспедициях капитана Арсеньева (В. К.) (Путешествия по Уссурийскому краю). 1900—1910 гг.— Записки Приамурского отделения ИРГО. Т. VIII. Вып. II. Хабаровск, 1912.
17. Чернов Ю. И. Советская Гавань (к 100-летию открытия бухты Советская Гавань).— «Дальний Восток». 1953, № 3.
18. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I. СПб., 1883.
19. Appendix to the Congressional Globe, 32 congress, 2 session. Wash., 1853.
20. Broughton W. R. Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, in which the coast of Asia from the latitude of 35° N to latitude of 52° N the island of Insu (commonly known under the name of the land of Jesso); the north, south and east coast of Japan, the Liexuchieux and the adjacent isles, as well as the coast of Corea, have been examined and surveyed performed in H. M. Sloop Providence and her tender in the years 1795—6—7—8. Vol. II. L., 1804.
21. Cole A. B. The Ringgold—Rodger—Brooke Expedition to Japan and the North Pacific 1853—1859.— «The Pacific Historical Review». Vol. XVI, № 2, may 1947.
22. La-Perouse J. F. Voyage autour du Monde, redigé par Milet-Mureau. Vol. III. P., 1797.
23. Pierce R. A. Alaska's Russian governors à Etholen and Tebenkov.— «The Alaska Journal». Anchorage, 1972, vol. 2, № 2.
24. Siebold Ph. Fr. Atlas von Land-und Seekarten vom Japanischer Reiche. Amsterdam, 1851.
25. Venault. Excursion dans les parties intérieures de la Mandchourie.— «Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques». V ser., t. XXX. P., 1852, t. II.
26. Yankee Surveyors in the Shogun's Seas: Records of the United States Surveying Expedition to the North Pacific Ocean, 1853—1856. Princeton, 1947.
27. ЛО ААН СССР, ф. 82 (К. И. Максимовича), д. 3, л. 30.
28. ЦГАВМФ, ф. Канцелярии морского министерства, 410, оп. 2.
29. ЦГАВМФ, ф. Канцелярии генерал-адмирала в кн. Константина Николаевича (ф. 147), д. 154, док. № 285, лл. 20—28.